КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ VIII.

МАЙ.

1884 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

распоряженіе кіевскаго митрополита было отмѣнено; то слѣдовательно въ Малороссіи по прежнему дѣйствовало прежнее обыкновеніе приводить къ присягѣ лицъ духовнаго званія. Вѣроятно, правило о присягѣ священниковъ и монаховъ существовало въ Малороссіи если не до отмѣны магдебургскаго права (1831 г.) и Литовскаго Статута (1842 г.), то, по крайней мѣрѣ, до 1783 года, когда временно были распространены на Малороссію учрежденія о губерніяхъ.

П. Ефименко.

МАЛОРУССКІЙ ПѢСЕННИКЪ XVIII ВѢКА.

(Изъ собранія рукописей Т. В. Кибальчича).

Въ собраніи разнородныхъ рукописей Т. В. Кибальчича я нашелъ весьма цѣнный памятникъ прошлаго вѣка, которому можно дать названіе *»Малорусскаго пѣсенника«*. Это довольно полная, хотя отчасти и дефектная рукопись въ 1/8 долю листа, состоящая изъ нотъ и текстовъ пѣсенъ.

По внѣшнему виду, рукопись эта была переплетена и обрѣзана, но теперь вырвана изъ переплета, хотя и держится на шваxъ корешка. Страницы перенумерованы славянскими знаками до 130-го листка, но кромѣ того есть еще семь листковъ не нумерованныхъ, такъ что рукопись видимо заключала въ себѣ 137 листковъ или 274 страницы. Въ серединѣ недостаетъ пяти листковъ, именно: 115, 116, 117, 120 и 121, т. е. 10 страницъ, слѣдовательно въ настоящемъ своемъ видѣ она представляетъ 264 страницы, вполнѣ хорошо сохранившіяся.—Бумага отъ начала до конца одинакова—плотная, синяя (за исключеніемъ нѣсколькихъ листовъ бѣлой) съ водными изображеніями герба, но безъ означенія года фабрикаціи.

До 101-й страницы текстъ писанъ церковно-славянскимъ шрифтомъ, а съ оборота ея такъ называемымъ полууставомъ. Почеркъ однообразный, старательный, четкій; помарокъ весьма немного; кое-гдѣ, особенно въ концѣ, сдѣланы подстрочныя приписки и поправки. Никакихъ рисунковъ, ни виньетокъ и орнамента нѣтъ вовсе.

Въ припискахъ я не могъ найти никакихъ указаній ни на первоначальнаго владѣльца рукописи, ни на ея составителя, ибо, кромѣ пѣсенъ и нотъ, никакого посторонняго текста нѣтъ.

Во всей этой рукописи имѣется 87 пѣсенъ, изъ которыхъ двѣ (№ 75 и 77) дефектны. Первая изъ нихъ безъ нотъ и начала пѣсни, а второй недостаетъ начала нотъ и начала перваго куплета. Всѣ остальныя пѣсни полны и каждая съ нотами, подъ которыми вписанъ первый куплетъ.

Матеріалъ пѣсенный распредѣленъ довольно систематично. Въ началѣ идутъ пѣсни религіозныя, числомъ 61, а затѣмъ свѣтскія, *свитови*, какъ онѣ озаглавлены въ сборникѣ.

Обращаясь къ содержанію рукописи, мы должны за ней признать весьма важное значеніе. Сколько намъ извѣстно, послѣ Почаевскаго Богогласника, это единственный памятникъ прошлаго вѣка, сохранившій намъ мотивы пѣсенъ того времени. Въ музыкальномъ отношеніи рукопись г. Кибальчича имѣетъ то преимущество передъ Богогласникомъ, что ноты въ ней писаны далеко правильнѣе и яснѣе, несмотря даже на то, что онѣ рукописныя, а въ Богогласникѣ печатныя; въ рукописи мелодія всегда раздѣлена на такты, чего нѣтъ въ Богогласникѣ. Музыкальное значеніе этого памятника пріобрѣтаетъ еще большее значеніе вслѣдствіе того, что въ немъ впервые находимъ мотивы свѣтскихъ пѣсенъ.

До сихъ поръ, кажется, еще никто не опредѣлилъ характера мелодій Богогласника и вопросъ этотъ остается темнымъ. Въ рукописи же г. Кибальчича, которую разсматривалъ Н. В. Лисенко, оказались въ религіозныхъ пѣсняхъ мотивы чисто мѣстнаго малорусскаго характера, подобіе которыхъ можно найти въ мелодіяхъ лирницкихъ. Нѣкоторые мотивы, кромѣ народнаго тембра, дышатъ глубокимъ чувствомъ и высокимъ художествомъ.

Сравнивая религіозныя пѣсни рукописи съ Богогласникомъ, я нашелъ, что почти всѣ онѣ находятся въ этомъ изданіи Почаевской Лавры въ болѣе или менѣе отличныхъ варіантахъ. Расположеніе этихъ пѣсенъ тоже очень сходно съ расположеніемъ въ Богогласникѣ. Въ началѣ идутъ пѣсни о Рождествѣ Христовомъ, о страстяхъ Господнихъ, о Воскресеніи; далѣе пѣсни о Богородицѣ, о разныхъ святыхъ и въ концѣ пѣсни религіозно-нравственнаго содержанія. Въ пѣсняхъ о чудотворныхъ иконахъ встрѣчаются географическія названія: Тывровъ (винницкій у.), Радовцы (литинск. у.), Баръ, Подкомель (Галиція), Тарнополь (тоже) и т. п., словомъ мѣстности главнымъ образомъ Волыни и Подоліи.

По языку пѣсни религіозныя въ рукописи значительно отличаются отъ варіантовъ Богогласника; въ рукописи видно значительное искаженіе полу-церковно-славянскаго первообраза въ пользу народной рѣчи, хотя не замѣтно такого уродства, какое видимъ въ лирницкихъ варіантахъ. Въ числѣ религіозныхъ пѣсенъ есть двѣ на польскомъ языкѣ, а именно: на Рождество Христово »Prsybieżeli do Betljem Pastyrze« и въ честь чудотворнаго образа Богородицы Подкаменецкой.

Въ числѣ 26 свѣтскихъ пѣсенъ рукописи есть только 14 собственно малорусскихъ, частью искуственныхъ, частью народныхъ. Эти послѣднія, какъ-то: »Летивъ чорный жукъ«, »Посіявъ чоловикъ ячминь«, »Сидить медвидь на колодци«, »Ой ûхавъ козакъ зо Вкраины«, всѣ сатирическаго содержанія. Изъ пѣсенъ искусственныхъ обращаютъ на себя вниманіе сатирическая пѣснь съ припѣвомъ »али-алилуй, Господи помилуй«, изображающая весьма живыми красками пиръ святыхъ и духовенства [1]; далѣе есть варіантъ, довольно полный, извѣстнаго »Грицька мудрого родомъ зъ Коломыйи« [2] и одна пѣснь историческаго содержанія, относящаяся, кажется, къ событіямъ временъ конфедераціи Барской. Пѣснь эта къ сожалѣнію безъ начала перваго куплета; я привожу ее цѣликомъ, удерживая для образца правописаніе памятника.

. . . .
. . . .
Же почали були бунты починаты,
Передъ москалями мусѣли втѣкаты.
    Якъ въ комару вѣвцѣ, такъ ихъ запудили,
    А въ Станѣславовѣ кругомъ оступили:
    Москалѣ изъ жарту почали стреляты,
    А ляхи одъ страху стали умираты.
Гды прийшли ввѣвторокъ о пятой годинѣ,
Подъ Станѣславовомъ стали на долинѣ

---

[1]) Пѣсня эта въ нѣсколькихъ варіантахъ занесена въ III т. Сборника П. Чубинскаго, въ рубрику колядокъ—вслѣдствіе того, что въ этихъ варіантахъ, какъ поводъ для пира, указывается на Рожденіе Христово.

[2]) Въ двухъ варіантахъ помѣщена эта пѣсня во II т. »Pokucia« O. Кольберга, съ замѣчаніемъ, что пѣсню эту поютъ причетники и деревенскіе грамотѣи.

Вдарили зъ гарматы, ажъ баня упала,
Зъ первого косцола въ той часъ твога (тревога) стала.
Вже виходятъ ляхи, аби не пустыты
Москаля, отъ града-бы могли отъбиты,
Но не доказали, бо негодни того—
Москаля отъбиты, хотяй йхъ и много.
Дали собѣ битву на середу рано,
А другимъ москалямъ въ той часъ знаты дано,
Абы йшли скоро всю ноцъ на ратунокъ,
Бо на ляховъ упавъ великій фрасунокъ.
У середу рано сталися сходиты
Всѣ ляхи до купи, що будемъ робиты?
Единъ мовитъ: біймо, десять: утѣкаймо,
А сто каже: всѣ до духа москалямъ подъдаймо.
Москалѣ волають, абы виходили
Всѣ ляхи изъ града, котріє тамъ были.
Панъ староста *Блоньскій* сердца добувае,
Староста *Снятинскій* отъ страху въмлѣвае.
Почали стрѣляты, на пляцъ выходиты,
А не единъ мислитъ, якъ бы добре втекты,—
Мусѣлися быты у весь день доволѣ.
Любилисте ляхи добре людей грабоваты,
Любѣтежъ вневолѣ у насъ зоставаты;
Любилисте йсты гуси, кури много,
Днесь сидѣтъ вневолѣ, не йжте нѣколи.
Такъ москалѣ ляховъ люблятъ частоваты,
Абы памятали, якъ то грабоваты:
За тое ймъ дають мало исты й питы,
Абы памятали, якъ бунты чиниты.

Кромѣ малорусскихъ пѣсенъ, есть въ сборникѣ одна великорусская—безвкусная и сентиментальная, озаглавленная: »*Пѣснь сеньтова Російска пастушкамъ*«.

Конецъ сборника составляютъ десять пѣсенъ польскихъ, содержанія любовнаго и бытоваго, довольно безграмотно записанныхъ, и слѣдующая характерная смѣшанная пѣснь-разговоръ крестьянъ—поляка и малороса о житьѣ-бытьѣ:

Oy rusinie, rusinie, co słychać w twey krainie,
Pociesz, pociesz strapionego, a przynieś co wesołego
Sercu moiemu.
Имя минѢ Стахъ, скажу о людяхъ:
Въ насъ люде веселенко скачуть, горѣлочкою рачать,
Горѣлка уприкрится, до меду подай, дай та надай.
Ach mnie, mnie czy wierzysz panie, ze ledwie na grosz stanie,
Bo chociay co zapracuie, albo tyz co utarguie,
To zabierze dwur.
А мы продаемъ, а грошѣ маемъ,
И пановѣ отъдаемо, а калиты ладнуемо,
Есть для пана, и для попа, и для домовихъ тысяча золотихъ.
Ach panicu, panicu, zacny slachcicu, a ruski Krulewiczu,
Aby łaska twa sprawiła, y mnie tyz w czym domiesciła,
Do łaski twey.
Дармо, небоже, биты не може,
Якъ то правда, що я живу,
Такъ ты покинь всю надѣю.
Въбравесься въ мазурство, якъ у шевскій квасъ,
Засяжъ отъ насъ.—

Оставляя спеціалистамъ изученіе этой рукописи, какъ памятника пѣсеннаго и музыкальнаго творчества, я счелъ необходимымъ огласить мою находку, какъ смѣю думать, весьма цѣнную. Я не берусь теперь судить о значеніи и происхожденіи этого сборника— для этого необходимо серьёзное изслѣдованіе. Несомнѣннымъ для меня однако является слѣдующее: сборникъ этотъ видимо составленъ за разъ, хотя и писанъ двумя шрифтами; вывожу я это какъ изъ однообразія его внѣшняго вида, такъ и изъ правильной группировки пѣсенъ. Далѣе несомнѣнно, что сборникъ принадлежалъ какому нибудь уніяту Волыни или Подоліи, — это видно какъ изъ содержанія пѣсенъ, проникнутыхъ уніятскимъ духомъ Богогласника, такъ и изъ характера малорусской рѣчи, носящей всѣ особенности подольскаго говора.—Наконецъ не подлежитъ сомнѣнію, что рукопись эта по времени своего происхожденія не ранѣе конца XVIII вѣка. такъ какъ въ ней есть пѣсни, относящіяся къ событіямъ этого времени.

Владѣлецъ рукописи, г. Кибальчичъ, какъ передавалъ онъ мнѣ, пріобрѣлъ ее случайно въ г. Пирятинѣ; по какимъ образомъ она туда попала—неизвѣстно.

Во всякомъ случаѣ желательно было-бы издать этотъ памятникъ въ возможно скоромъ времени; изданіе это труднѣе всякого другого, такъ какъ транскрипція этого текста и въ особенности нотъ требуетъ участія опытныхъ спеціалистовъ, иначе изданіе можетъ потерять всякое научное значеніе.

И. Нейманъ.

ДѢДУШКИНЪ ВЕКСЕЛЬ.

(Изъ дѣтскихъ воспоминаній).

Лѣтъ двадцать—тридцать тому назадъ, въ нашемъ селѣ [1]) грамотныхъ почти не было; было четыре-пять человѣкъ, которые когда-то въ дьячковской школѣ учились и въ то время уже были взрослыми мущинами, но они могли только читать по славянски и пѣть на клиросѣ, прочесть-же солдатское письмо или-же поминальную книжку, въ которой рукою дьячка записаны дѣды и прадѣды кого-либо изъ хозяевъ, они уже не могли и свою несостоятельность въ этомъ дѣлѣ оправдывали обыкновенно отговоркою: *це не при насъ писано...* А спросъ на грамоту и тогда уже былъ значительный. Недостатокъ оной чувствовался въ особенности въ поминальную субботу, когда по давнему въ нашемъ селѣ обычаю достаточные хозяева приглашаютъ въ свои домы какого-либо грамотѣя для чтенія псалтыри, при чемъ послѣ каждой каѳизмы или *славы* перечитывается и поминальная книжечка и хозяева такимъ образомъ поминаютъ умершихъ своихъ родныхъ. Читавшимъ псалтирь приходилось тутъ-же дописывать *грамотку*, или-же вновь ее писать. Для этого они брали съ собою перо, чернило и лоскутокъ бумаги и печатными буквами, со словъ хозяина, записывали имена умершихъ его сродниковъ. Запись по этому производилась по способу фонетическому и была вполнѣ понятна слушателямъ. »Помяны, Господы, произносилъ чтецъ, рабовъ Божихъ: Окъсеня, Насьцю, Ладыма, Приську, Юръка, Песьцю, Савъку, Хыму и въсихъ ихъ сродъныкивъ.... и слушатели

---

[1]) Соловьевка, радомысльскаго уѣзда, кіевской губерніи.